ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1

Ю НЕСБЁ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

И прольется кровь

Сокровище жанра...
Несбё рассказывает эту короткую,
но чрезвычайно драматическую историю
с точностью и лаконизмом.
Booklist

18+

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Звезды мирового детектива

Ю Несбё

И прольется кровь

«Азбука-Аттикус»
2015

УДК 821.135.5-312Несбе
ББК 84(4Нор)-44

Несбё Ю.

И прольется кровь / Ю. Несбё — «Азбука-Аттикус», 2015 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-10391-7

Я – наемный убийца-неудачник. Я обманул заказчика, но мой обман раскрылся, и я был вынужден бежать, спасая свою жизнь. Та, из-за которой я решился взяться за это дело, умерла, не дождавшись моей помощи, так что все было впустую. И теперь я оказался на самом краю земли, где меня никто не знает и где мне не от кого ждать помощи. А между тем преследователи дышат мне в затылок… Впервые на русском языке! «Кровь на снегу», «И прольется кровь»… Эти два романа связаны некими сюжетными нитями. Но связь их может оказаться глубже, чем нам кажется. Что же ожидает читателя дальше?

УДК 821.135.5-312Несбе
ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-389-10391-7

© Несбё Ю., 2015
© Азбука-Аттикус, 2015

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 23
Глава 4 27
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Ю Несбё
И прольется кровь

Jo Nesbø
MERE BLOD

Copyright © Jo Nesbo 2015
All rights reserved
Published by agreement with Salomonsson Agency

© Jo Nesbo, 2015
© Е. Лавринайтис, перевод, 2015
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

* * *

Глава 1

С чего бы нам начать эту историю? Хорошо бы начать с начала, но я не знаю, где оно, это начало. И как и все остальные, я не знаю *истинных* причин событий, происходящих в моей жизни.

Может быть, эта история началась в тот миг, когда я понял, что трое моих одноклассников играют в футбол гораздо лучше меня? Или когда Бассе, мой дед, показал мне рисунки храма Саграда Фамилия, сделанные его рукой? Или когда я впервые затянулся сигаретой и послушал первую песню группы «Grateful Dead»? Или когда я прочитал в университете Канта и решил, что все понял? Или когда продал первую дозу травки? Или когда поцеловал Бобби – а это, вообще-то, девушка, – или когда впервые увидел маленькое, сморщенное, истошно вопящее существо, впоследствии получившее имя Анна? А может быть, когда я сидел в вонючей подсобке магазина Рыбака и он рассказывал, чего от меня хочет. Не знаю. Мы придумываем историям начало, конец и логику развития, чтобы придать жизни смысл.

Поэтому с тем же успехом можно начать прямо здесь, посреди всей этой путаницы, когда жизнь сделала паузу, остановилась, чтобы перевести дух, и на какое-то мгновение мне показалось, что я нахожусь в пути – и одновременно у цели.

Я вышел из автобуса посреди ночи и зажмурился от солнца. Оно выглядывало из-за острова в море на севере. Красное и тусклое. Совсем как я. За солнцем снова было море, а за ним – Северный полюс. Может быть, там они меня не найдут.

Я огляделся. С трех других сторон к месту, где я стоял, спускались пологие склоны холмов. Красно-зеленый вереск, камни, кое-где скопления невысоких березок. На востоке каменистая земля плавно сходила в море, на юго-западе сушу словно отрезали ножом там, где она уступала место воде. Метров на сто выше зеркальной поверхности моря начиналось плоское плато, простиравшееся вглубь суши. Финнмаркское плато. Как говаривал мой дед, линия заканчивается здесь.

Густо усыпанная гравием дорога вела к скоплению низких домов. Единственным, что немного выступало над ними вверх, была церковная башня. Я проснулся в кресле автобуса, когда мы проезжали указатель с названием «Косунд» неподалеку от деревянной пристани у моря. И я подумал: «А почему бы и нет?» Я дернул за веревку над окном, после чего на табло перед водителем загорелась надпись: «Остановиться».

Я надел костюмный пиджак, подхватил кожаную сумку и зашагал вперед. Пистолет в кармане пиджака бился о бедро, прямо о кость: я всегда был слишком тощим. Я остановился и спустил пояс с деньгами, надетый под рубашку, пониже, чтобы купюры приняли удары пистолета на себя.

На небе не было ни облачка, а воздух был таким ясным, что мне казалось, будто я вижу очень далеко. Насколько хватает глаз, как говорится. Финнмаркское плато называют красивым. Черт, не знаю. По-моему, люди используют это слово при описании суровых, негостеприимных мест, чтобы придать себе крутизны или прикинуться глубоко понимающими, вроде тех, кто кичится своей любовью к непонятной музыке или нечитаемой литературе. Да я и сам так делал, полагая, что смогу этим компенсировать хотя бы некоторые свои недостатки. А еще так говорят, чтобы утешить тех немногих, кому довелось здесь жить: «Ах, как здесь красиво». Что же такого особенно красивого в этом плоском, монотонном, бедном пейзаже? Это же Марс. Красная пустыня. Незаселенная и страшная. Замечательное место для того, чтобы спрятаться. Будем надеяться.

Впереди закачались ветки придорожных деревьев, и через мгновение какой-то человек перепрыгнул через канаву и оказался на дороге. Моя рука автоматически потянулась к писто-

лету, но я остановил ее: это не один из них. Этот тип был похож на джокера, выскочившего из карточной колоды.

– Добрый вечер! – прокричал мужчина.

Он шел по направлению ко мне странной, раскачивающейся походкой. Ноги у него были такие кривые, что я отчетливо видел между ними дорогу, ведущую к поселку. Когда он подошел ближе, я понял, что на голове у него не шапка придворного шута, а саамский головной убор. Сине-красно-желтый, только колокольчиков не хватало. На нем были сапоги из светлой кожи, а на синей куртке виднелись кусочки черного скотча и дыры, из которых торчало что-то желтоватое, больше похожее на изоляционную вату, чем на пух.

– Прости, что спрашиваю, – сказал он, – но кто ты такой будешь?

Он был как минимум на две головы ниже меня. Лицо широкое, улыбка от уха до уха, а глаза раскосые, как у азиата. Если собрать воедино все шаблонные представления жителей Осло о том, как должен выглядеть саам, то получится портрет представшего передо мной человека.

– Я приехал на автобусе, – ответил я.

– Я видел. Я Маттис.

– Маттис, – повторил я медленно, чтобы выиграть несколько секунд и найти ответ на его следующий неизбежный вопрос.

– А ты кто?

– Ульф, – сказал я.

Это имя ничуть не хуже всех остальных.

– И что тебе надо в Косунде?

– Приехал погостить, – ответил я, кивнув в сторону поселка.

– К кому же ты приехал?

Я пожал плечами:

– Ни к кому.

– Ты из отдела по надзору за охотой или проповедник?

Мне было неизвестно, как выглядят сотрудники отдела по надзору за соблюдением правил охоты, но я отрицательно покачал головой и провел рукой по своим длинным, как у хиппи, волосам. Наверное, стоит подстричься. Буду меньше бросаться в глаза.

– Прости, что спрашиваю, – снова заговорил он, – но кто же ты тогда?

– Охотник, – сказал я, скорее всего из-за упоминания отдела по надзору за охотой, хотя в этом утверждении было столько же правды, сколько и лжи.

– Вот как? Будешь здесь охотиться, Ульф?

– Похоже, это хорошая местность для охоты.

– Да, но ты приехал на неделю раньше, чем надо: охотничий сезон начинается пятнадцатого августа.

– А гостиница здесь есть?

Саам громко рассмеялся. Он харкнул и выплюнул коричневый комок – надо полагать, жевательный табак или что-то подобное. Комок упал на землю с громким хлопком.

– Пансион? – продолжал спрашивать я.

Он отрицательно покачал головой.

– Кемпинг? Комнаты в аренду?

На телеграфном столбе за его спиной висело объявление о концерте какой-то группы в Альте. Значит, этот город не так уж далеко отсюда. Возможно, мне стоило доехать на автобусе до Альты.

– А как насчет тебя, Маттис? – сказал я и прибил комара, укусившего меня в лоб. – У тебя не найдется кровати, которую я мог бы одолжить на ночь?

– Я сжег кровать в печке в мае. Май у нас выдался холодный.

– Диван? Матрас?

– Матрас? – Он махнул рукой в сторону поросшей вереском равнины.

– Спасибо, но я люблю, чтобы были потолок и стены. Посмотрим, может, найду пустую собачью конуру. Спокойной ночи.

Я зашагал в сторону поселка.

– Единственная собачья конура в Косунде – вон там! – прокричал Маттис как-то жалобно, понизив голос.

Я повернулся. Его палец указывал на дом, стоящий на краю поселка.

– Церковь?

Он кивнул.

– Ее не запирают на ночь?

Маттис склонил голову на плечо:

– Знаешь, почему в Косунде никто не ворует? Потому что здесь нечего украсть, кроме оленей.

Этот маленький полный человек на удивление грациозно перепрыгнул через канаву и поплелся по вереску на запад. Моими ориентирами были солнце, находившееся на севере, и церковь – по утверждению моего деда, в любом конце света церкви строят башней на запад. Я прикрыл глаза от света и посмотрел на землю, лежащую перед Маттисом. Куда, черт возьми, он идет?

Может быть, оттого, что ярко светило солнце, хотя на самом деле была середина ночи и стояла звенящая тишина, поселок казался странным и заброшенным. Создавалось впечатление, что дома построены на скорую руку, без внимания и любви. Не то чтобы они выглядели непрочными, но они были больше похожи на крышу над головой, чем на дом. Практичные, не требующие особого ухода, но хорошо защищающие от непогоды, с раздолбанными машинами без номеров в садиках, которые были не настоящими садиками, а просто огороженными участками земли с растущими на них вереском и березками. Детские коляски, но никаких игрушек. Всего в нескольких домах на окнах висели занавески или плотные шторы, в остальных голые стекла отражали солнце, не позволяя разглядеть, что находится внутри помещения. Как солнцезащитные очки на глазах человека, не желающего, чтобы ему лезли в душу.

Церковь и в самом деле оказалась не заперта, хотя дверь разбухла и открывалась не так легко, как в других церквях, где мне доводилось бывать. Маленький скромный неф был прекрасен своей простотой. Полночное солнце освещало витражи, а над алтарем висело обычное распятие с измученным Иисусом на кресте. Позади распятия находился триптих, в боковых частях которого были изображены битва Давида и Голиафа и младенец Иисус, а в центре – Дева Мария.

Сбоку за алтарем я обнаружил дверь в ризницу. Я порылся в шкафах и нашел две рясы, швабру и ведро, но вина для причащения не было, только пара упаковок облаток с этикеткой «Пекарня Ульсена». Я сжевал четыре-пять штучек, но это было все равно что жевать промокашку, облатки высушили весь рот и разбухли так, что в конце концов мне пришлось выплюнуть их на лежащую на столе газету. Она поведала мне – если это был сегодняшний номер «Финнмарк дагблад», – что сегодня 8 августа 1977 года, что ширятся протесты против строительства гидроэлектростанций на реке Альта, что вот так выглядит губернатор Арнульф Ульсен, что губерния Финнмарк, единственная имеющая границу с Советским Союзом, стала более безопасной после смерти шпионки Гунвор Галтунг Ховик и что, наконец, в губернии ожидается более теплая погода, чем в Осло.

На каменном полу в ризнице спать было слишком твердо, на церковных скамьях – слишком узко, поэтому я прихватил рясу и прошел в алтарную часть. Я повесил пиджак на решетку алтарной ограды, улегся на пол и положил под голову кожаную сумку. Почувство-

вав, как на лицо мне что-то капает, я вытер его ладонью и посмотрел на кончики пальцев. Они были ржавого цвета.

Я посмотрел вверх, на распятого, висевшего прямо надо мной. Потом я догадался, что жидкость, скорее всего, капает с потолка. Протекающая крыша, влажность, цвет глины или железа. Я перевернулся, чтобы не лежать на больном плече, и прикрыл голову рясой, чтобы спрятаться от солнца. И закрыл глаза.

Вот так. Не думать. Отключиться от всего.

Взаперти.

Я сорвал рясу и стал жадно глотать воздух.

Черт!

Я лежал и пялился в потолок. Сразу после похорон, когда меня мучила бессонница, я принимал валиум. Не знаю, развилась ли у меня зависимость, но без него мне теперь всегда было трудно заснуть. Единственный способ – устать до изнеможения.

Я снова натянул рясу на голову и закрыл глаза. Семьдесят часов в бегах. Тысяча восемьсот километров. Пара часов сна в креслах поездов и автобусов. Я должен был устать.

Подумать о хорошем.

Я попытался подумать о том, как все было раньше и еще раньше, но не смог. Вместо этого в голову лезли другие мысли. Мужчина, одетый в белое. Запах рыбы. Черное дуло пистолета. Разбившееся стекло, падение. Я отогнал от себя эти воспоминания, вытянул руку, прошептал ее имя.

И тогда она наконец явилась.

Я проснулся. Я лежал без движения.

Меня что-то толкало. Вернее, кто-то. Осторожно, словно боясь меня разбудить и просто пытаясь удостовериться, что там, под рясой, кто-то есть.

Я сосредоточился и постарался дышать ровно. Может быть, у меня еще есть шанс, может быть, они еще не заметили, что я проснулся.

Я скользнул рукой к бедру, но внезапно вспомнил, что повесил пиджак с пистолетом на ограду алтаря.

Для как бы профессионала – полная любительщина.

Глава 2

Я продолжал дышать и чувствовал, как успокаивается сердцебиение. Мое тело поняло то, до чего еще не дошел разум: если бы это были они, они не стали бы толкать меня, а просто содрали бы с головы рясу, убедились, что я тот, кто им нужен, и проперчили бы меня, как протухший голубец.

Я осторожно сдвинул рясу с лица.

Лицо, глядевшее на меня сверху, было веснушчатым, курносым, с пластырем над бровью и светлыми ресницами вокруг необыкновенно голубых глаз. Оно было обрамлено жестким ежиком рыжих волос. Сколько ему может быть лет? Девять? Тринадцать? Понятия не имею, я вообще плохо разбираюсь в детях.

– Тебе нельзя здесь лежать.

Я огляделся. Кажется, он один.

– Почему это? – невнятно пробормотал я.

– Потому что мама будет здесь мыть.

Я поднялся на ноги, свернул рясу, снял с ограды пиджак, ощутив тяжесть пистолета в кармане. Левое плечо пронзила боль, когда я стал засовывать его в рукав.

– Ты с юга? – спросил мальчик.

– Смотря что называть югом.

– То, что находится к югу отсюда.

– Отсюда все находится к югу.

Мальчишка склонил голову набок:

– Меня зовут Кнут. Мне десять лет. А тебя как зовут?

Я собирался назвать какое-нибудь имя, и решил остановиться на вчерашнем варианте. Ульф.

– Сколько тебе лет, Ульф?

– Много, – ответил я, потягивая шею.

– Больше тридцати?

Дверь в ризницу открылась. Я повернулся. Вошедшая женщина остановилась и уставилась на меня. Первое, о чем я подумал: «Она слишком молода для уборщицы». Женщина выглядела крепкой. На ее руке, в которой она держала наполненное до краев ведро, проступали вены. У нее были широкие плечи, но тонкая талия. Ноги ее были скрыты старомодной черной широкой юбкой. Второе, что бросилось мне в глаза, – это волосы. Длинные и такие темные, что блестели в свете, попадавшем в помещение через высокие окна. Они были прихвачены простенькой заколкой.

Женщина снова начала движение в мою сторону, стуча башмаками по полу. Когда она подошла достаточно близко, я увидел, что у нее рот красивой формы со шрамом от операции по исправлению заячьей губы. Трудно было поверить, что у такой смуглой женщины с такими темными волосами могут быть такие голубые глаза.

– Доброе утро, – произнесла она.

– Доброе утро. Я приехал сегодня ночью на автобусе. И мне было некуда…

– Ладно, – сказала она. – Здесь дверь высока, а ворота широки.

Она произнесла это без всякой теплоты в голосе, поставила на пол ведро и швабру и протянула ко мне руку.

– Ульф, – сказал я, собираясь обменяться с ней рукопожатием.

– Рясу, – произнесла она, указывая на мою руку.

Я опустил глаза на комок ткани, который сжимал в ладони.

– Я не нашел одеяла, – стал оправдываться я, протягивая ей рясу.

– И никакой еды, кроме той, что мы используем для причастия, – ответила она, разворачивая и проверяя тяжелое белое одеяние.

– Прошу прощения, я, конечно, заплачу за…

– От этого ты освобождаешься, с благословением или без. Но в следующий раз не плюй на нашего губернатора, будь так добр.

Не знаю, была ли это улыбка, но шрам над ее верхней губой шевельнулся. Не сказав больше ни слова, она развернулась и ушла в ризницу.

Я подхватил сумку и перелез через ограду алтаря.

– Куда ты пойдешь? – спросил мальчик.

– На улицу.

– Почему?

– Почему? Потому что я здесь не живу.

– Мама не такая сердитая, как кажется.

– Передавай ей привет.

– От кого? – раздался голос женщины.

Она уже топала обратно к алтарю.

– От Ульфа. – Я начал привыкать к этому имени.

– А что тебе нужно здесь, в Косунде, Ульф? – Она отжала тряпку над ведром.

– Охота. – Я подумал, что в таком маленьком поселке лучше всего придерживаться одной версии.

Женщина намотала тряпку на швабру.

– На кого?

– На куропаток, – наугад произнес я. Водятся ли куропатки так далеко на севере? – И на все остальное, в чем бьется сердце, – добавил я.

– В этом году совсем мало мышей и леммингов, – сказала женщина.

Я ухмыльнулся:

– Хорошо, но, вообще-то, я охочусь на зверей *чуть-чуть* покрупнее.

Она приподняла бровь:

– Я всего лишь хотела сказать, что куропаток в этом году немного.

Возникла минутная тишина.

Ее нарушил Кнут, выпаливший:

– Когда хищникам не хватает мышей и леммингов, они начинают питаться яйцами куропаток.

– Ах вот оно что, – сказал я, кивнул и почувствовал, как по моей спине потек пот. Мне надо было помыться и постирать рубашку и пояс для денег. Да и пиджак требовал стирки. – Надеюсь, я найду, во что выстрелить. Проблема в том, что я приехал слишком рано. Как известно, охотничий сезон начнется только на следующей неделе, так что до тех пор буду пристреливаться.

Я надеялся, что саам сообщил мне верную информацию.

– Сезон сезоном, – сказала женщина, проводя тряпкой по тому месту, где я лежал, с таким нажимом, что резиновая подушка швабры заскрипела. – Это вы, южане, думаете, что решаете, когда ему начинаться. Мы здесь охотимся, когда нам нужна пища, и не охотимся, когда она нам не нужна.

– Кстати, насчет «нужен – не нужен», – произнес я. – Не знаешь ли ты места в поселке, где я мог бы пожить?

Она перестала мыть пол и оперлась на швабру:

– Надо просто постучать в какую-нибудь дверь, и для тебя отыщется постель.

– В любую?

– Думаю, да. Но сейчас, конечно, далеко не все дома.

– Вот как? – Я кивнул в сторону Кнута. – Летние каникулы?

Женщина с улыбкой покачала головой:

– Летние пастбища. Все, у кого есть олени, живут в палатках и автоприцепах на пастбищах вдоль побережья. Кто-то еще не вернулся с лова сайды. Многие на летнем фестивале в Каутокейно.

– Понятно. А есть ли какая-нибудь возможность арендовать кровать в твоем доме? – Увидев ее замешательство, я поспешил добавить: – Я хорошо заплачу. Очень хорошо.

– Здесь никто не позволил бы тебе переплатить. Но моего мужа нет дома, так что это неприлично.

Неприлично? Я посмотрел на ее юбку. На длинные волосы.

– Понимаю. А есть ли какой-нибудь дом не… не в центре? Где можно побыть в тишине и покое. И с хорошим видом.

Откуда можно увидеть приближение чужака – вот что я имел в виду.

– Ну… – произнесла она, – поскольку ты собираешься охотиться, ты мог бы поселиться в охотничьей хижине. Ею все пользуются. Она находится на некотором расстоянии от поселка, там тесновато и не слишком уютно, но зато тихо и спокойно. И вид на все стороны света, это уж совершенно точно.

– Кажется, отличное место.

– Кнут может проводить тебя туда.

– Не стоит. Наверное, я смогу ее найти.

– Нет! – воскликнул Кнут. – Пожалуйста!

Я посмотрел на него сверху вниз. Летние каникулы. Все разъехались. Так скучно, что он пришел с мамой убирать в церкви. И вот наконец что-то начало происходить.

– Конечно, – сказал я. – Тогда пошли?

– Да!

– А вот что мне интересно, – произнесла темноволосая женщина, ополаскивая тряпку в ведре. – Из чего это ты собираешься стрелять. Вряд ли в твою сумку уместилось ружье.

Я уставился на свою сумку, измеряя ее взглядом, будто решал, согласен ли я с женщиной.

– Забыл его в поезде, – ответил я. – Я позвонил, и мне обещали прислать его с автобусом через пару дней.

– Но тебе же надо из чего-то стрелять, – сказала она и улыбнулась, – пока не начался *сезон*.

– Я….

– Я одолжу тебе дробовик моего мужа. Можешь подождать меня на улице, я скоро закончу.

Дробовик? Да, черт возьми, почему бы и нет? И поскольку ни одно из произнесенных ею предложений не заканчивалось вопросительным знаком, я просто кивнул и пошел к дверям. Позади я услышал быстрое дыхание и немного притормозил. Мальчик наступил мне на пятку.

– Ульф…

– Что?

– Ты анекдоты знаешь?

Я сидел у южной стены церкви и курил. Я не очень хорошо понимаю, почему я курю. Это не зависимость. Я хочу сказать, моя кровь не требует никотина. Дело не в этом, здесь что-то другое, связанное с самим процессом. Курение успокаивает меня. Я мог бы с тем же успехом курить сено. Есть ли у меня наркотическая зависимость? Нет, уверен, что нет. Возможно, я алкоголик, но в этом я тоже не совсем уверен. Но мне нравится быть под кайфом, возбужденным, пьяным, это точно. И валиум. Мне нравится принимать валиум. Или, вернее,

мне не нравится не принимать валиум. И поэтому я чувствовал, что это единственное вещество, от которого мне надо, приложив определенные усилия, отказаться.

Я начал продавать травку, чтобы оплачивать то, что потребляю сам. Это настолько же просто, насколько логично: ты покупаешь такое количество граммов, чтобы можно было сторговаться о выгодной цене, потом продаешь две трети меньшими дозами, но дороже, и – вуаля – бесплатный косяк у тебя в кармане. А от этого до полноценной работы дилером – дорога короткая. Длинной была дорога к первой продаже. Длинной, извилистой, с парой развилок, на которых мне стоило повернуть в другую сторону. Но в итоге я оказался посреди Дворцового парка, где стоял и бубнил короткую рекламу своего товара («Кому косячок?»), выискивая тех, кто был достаточно волосат или одет в хипповатую одежду. Так со всем в жизни: первый раз – самый трудный. И когда передо мной остановился парень в синей рубашке со стрижкой ежиком и попросил продать два грамма, я развернулся и убежал.

Я знал, что этот парень не был полицейским агентом: у агентов много волос и одеваются они как хиппи. Я боялся, что он – один из людей Рыбака. Но со временем я понял, что Рыбаку нет дела до мелкой рыбешки вроде меня, надо было только постараться не увеличивать свой бизнес и не вторгаться на его рынок амфетаминов и героина. Как Хоффманн. Хоффманн кончил плохо: не было больше никакого Хоффманна.

Я швырнул окурок на гравийную дорожку.

У тебя есть немного времени, пока ты не догоришь до фильтра, а потом наступит неумолимый конец. Но весь смысл в том, чтобы догореть до фильтра, не потухнуть раньше времени. Вообще-то, я не уверен насчет смысла, но такова была моя *цель*. На смысл мне по большому счету плевать. И не каждый день после похорон я был настолько уверен в своей цели.

Я закрыл глаза и сосредоточился на солнце, на том, как оно согревает кожу. На наслаждении. Гедон. Греческий бог. Или идол, как говорят здесь, на освященных землях. Большая наглость называть чужих богов – не тех, каких выдумал сам, – *идолами*. «Ты не должен знать другого бога, кроме Меня»[1]. Естественное предписание любого диктатора своим подданным. Забавно только, что христиане сами этого не понимали, не видели механизмов, силы регенерации и самодостаточности, благодаря которым эти суеверия смогли пережить две тысячи лет, и думали, что ключ к спасению предназначался тем, кому невероятно повезло родиться в тот самый промежуток времени, по сути краткий миг в истории человечества, да еще и в той небольшой части земного шара, где когда-либо звучал короткий призыв «кому в рай?».

Тепло закончилось. На солнце набежало облако.

– Там бабушка.

Я открыл глаза. Это не облако. Солнце создавало ореол над рыжими волосами мальчика. Неужели та женщина действительно приходится ему бабушкой?

– Что, прости?

Он вытянул руку:

– Могила, на которую ты бросил окурок.

Я посмотрел в ту сторону, куда он указывал, и увидел, что из клумбы у черного камня поднимается небольшой дымок.

– Извини. Я целился на дорожку.

Он скрестил руки на груди:

– В самом деле? Как же ты попадешь в куропатку, если даже на дорожку попасть не способен?

– Хороший вопрос.

– Ну что, вспомнил какой-нибудь анекдот?

– Нет, я же говорил, что могу долго вспоминать.

[1] Книга пророка Осии, 13: 4.

– Но уже прошло… – он посмотрел на часы, которых у него не было, – двадцать пять минут.

Он сильно преувеличивал. Мне пришло в голову, что дорога до хижины может оказаться долгой.

– Кнут! Не мучай человека, – раздался голос его матери.

Она вышла из церкви и направилась к воротам.

Я встал и пошел за ней. Она шла упругой походкой, держа спину прямо, чем напомнила мне лебедя. Гравийная дорожка, проходившая мимо церкви, бежала дальше среди скопища домов, которое и было Косундом. Тишина казалась почти неприятной. До сих пор я не видел других людей, кроме этих двоих и вчерашнего саама.

– Почему в домах нет занавесок? – спросил я.

– Потому что Лестадиус учит нас, что мы должны позволить свету Божьему проникать в наши жилища, – ответила она.

– Лестадиус?

– Ларс Леви Лестадиус. Ты что, правда не знаком с его учением?

Я отрицательно покачал головой. Кажется, я что-то читал об этом шведском священнике прошлого века, который боролся с распутством среди местных жителей, но учения его я не знал, да и вообще думал, что эти древние вещи уже давно никого не интересуют.

– Ты не лестадианец? – спросил мальчик. – Тогда ты сгоришь в аду.

– Кнут!

– А что, так дедушка говорит! Уж он-то знает, он был странствующим проповедником в Финнмарке и Северном Тромсе, вот так!

– А еще дедушка говорит, что о своей вере не надо кричать на каждом углу. – Женщина посмотрела на меня извиняющимся взглядом. – Иногда наш Кнут увлекается. Ты из Осло?

– Там родился и вырос.

– Есть семья?

Я покачал головой.

– Уверен?

– Что?

Она улыбнулась:

– Ты замешкался. Может быть, разведен?

– Тогда ты точно сгоришь! – закричал Кнут и зашевелил пальцами, изображая, по всей видимости, адское пламя.

– Не разведен.

Я заметил, как она исподтишка бросила на меня взгляд.

– Одинокий охотник вдали от дома, вот, значит, как. А чем ты занимаешься?

– Я продавец, – сказал я. Какое-то движение заставило меня посмотреть наверх, и за мгновение до того, как задернулись занавески, я увидел мужское лицо. – Но только что уволился. Постараюсь найти что-нибудь новое.

– Что-нибудь новое, – повторила женщина и, как мне показалось, вздохнула.

– А ты моешь полы? – спросил я больше для поддержания разговора.

– Мама – звонарь и церковный служка, – вмешался Кнут. – Дедушка говорит, что она могла бы взять на себя и обязанности священника. Ну, если бы была мужчиной.

– А разве уже не приняли закон, разрешающий женщинам становиться священниками?

Она рассмеялась:

– Женщина-священник в Косунде?

Мальчик пальцами изобразил пламя.

– Вот мы и пришли. – Она свернула к маленькому домику без занавесок.

Во дворе на бетонных блоках стоял автомобиль «вольво» без колес, а рядом с ним приютилась тележка, в которой лежали два ржавых обода.

– Это папина машина, – сказал Кнут. – А это – мамина. – Он указал на маленький горбатый «фольксваген» в темном гараже.

Мы вошли в незапертый дом, и женщина проводила меня в гостиную, а сама отправилась искать ружье. Мы с Кнутом остались стоять. Обстановка была спартанской, но в доме было красиво, чисто и прибрано. Прочная мебель, но ни телевизора, ни стереоустановки, никаких домашних растений, из картинок на стенах только Иисус с ягненком на руках и свадебная фотография.

Я подошел ближе. Это она, никаких сомнений. Она была хорошенькой, почти красавицей в своем белом платье. Рядом с ней стоял высокий широкоплечий мужчина. Взгляд на его улыбающееся, но одновременно суровое, замкнутое лицо по какой-то причине заставил меня задуматься о том, что я только что видел на улице, посмотрев в чужое окно.

– Иди сюда, Ульф!

Я пошел по коридору на голос и попал в помещение, похожее на мастерскую. Самодельная скамейка, заржавелые автомобильные запчасти на ней, поломанные детские игрушки, которые явно оказались здесь не вчера, и другие незавершенные проекты.

Женщина нашла коробку патронов и указала на дробовик, висевший рядом с винтовкой на вбитых в стену гвоздях так высоко, что ей было не дотянуться. Я начал подозревать, что она держала меня в гостиной, чтобы немного прибраться в этой комнате. Я увидел отпечатки бутылочных донышек и отчетливо различил запах сивухи, спирта и табака.

– А пули для винтовки у тебя есть? – спросил я.

– Конечно, – ответила она. – Но ты вроде на куропаток собирался охотиться?

– С винтовкой будет сложнее, но интереснее, – сказал я, потянулся и снял оружие со стены. Я выглянул на улицу. Занавеска в окне соседнего дома шевельнулась. – Да и дробь из дичи не придется выковыривать. Как заряжать?

Она внимательно посмотрела на меня, совершенно серьезно раздумывая над тем, шучу я или нет, а потом показала как. Учитывая мою профессию, может сложиться впечатление, что я много знаю об оружии, но на самом деле я только слегка разбираюсь в пистолетах. Женщина вставила магазин, показала, как он заряжается, и объяснила, что винтовка полуавтоматическая, поэтому по закону при охоте в магазине должно находиться не более трех зарядов, плюс один в патроннике.

– Ну ясное дело, – сказал я, повторяя за ней операцию по заряжанию винтовки.

Что мне нравится в оружии, так это звук смазанного железа, звук точнейшего инженерного искусства. Но на этом все заканчивается.

– Это тоже может тебе пригодиться, – сказала женщина.

Я повернулся. Она протягивала мне бинокль. Модель Б-8, советский военный бинокль. Мой дед добыл такой благодаря своим связям, он пользовался им для изучения деталей церковных фасадов. Он рассказывал мне, что до и во время войны всю хорошую оптику делали в Германии, и, захватив восточную часть Германии, Советы первым делом похитили промышленные секреты и стали делать дешевые, но чертовски хорошие копии немецкого оборудования. Одному богу известно, как здесь оказался Б-8. Я отложил винтовку и посмотрел в бинокль на дом, где иногда появлялось лицо. Сейчас там никого не было.

– Я, конечно, заплачу за аренду.

– Глупости. – Она заменила патронташ другим и положила его передо мной. – Хуго наверняка посчитает, что будет достаточно платы за потраченные патроны.

– А где он?

– Ловит сайду.

Возможно, спрашивать об этом было бесцеремонно, поскольку лицо ее нахмурилось.

– У тебя есть еда и питье? – спросила она.

Я покачал головой. Я даже не подумал об этом. Сколько же раз я ел после отъезда из Осло?

– Могу сделать тебе бутерброды, а остальное купишь в магазине у Пирьо. Кнут тебя проводит.

Мы снова вышли на крыльцо. Женщина посмотрела на часы, наверное, хотела убедиться, что я пробыл у нее совсем недолго и соседям не о чем будет сплетничать. Кнут носился взад-вперед по двору, как собака перед прогулкой.

– До хижины около получаса, даже, скорее, час, – сказала женщина. – Все зависит от скорости ходьбы.

– Хм. Я не знаю точно, когда прибудет мое ружье.

– Я не спешу. Хуго не часто охотится.

Я кивнул, подтянул ремень на винтовке и повесил ее через плечо. Боже мой. Я бросил взгляд на деревню и попытался придумать, что сказать на прощание. Женщина склонила голову набок, совсем как сын, и убрала несколько прядей со лба.

– Не такая уж красота, по твоему мнению, правда?

Наверное, вид у меня был смущенный, потому что она засмеялась и ее высокие скулы покраснели:

– Косунд, я говорю о нем. О наших домах. Но здесь было красиво. До войны. Но когда в тысяча девятьсот сорок пятом пришли русские, а немцы бежали, при отступлении они сожгли все полностью. Все, кроме церкви.

– Тактика выжженной земли.

– Людям нужны дома. Мы построили их быстро. И некрасиво.

– Не так уж и некрасиво, – соврал я.

– Да ладно, – рассмеялась она. – Дома ужасные, чего нельзя сказать о людях, которые в них живут.

Я посмотрел на ее шрам:

– Верю тебе. Тогда мы пошли. Спасибо.

Я протянул ей руку. На этот раз она ее пожала. Ее рука была твердой и теплой, как нагретый солнцем гладкий камень.

– Благослови тебя Господь.

Я посмотрел на нее. Похоже, она говорила совершенно искренне.

Магазин Пирьо располагался в подвале одного из домов. Внутри было темно, а сама хозяйка не появилась, пока Кнут трижды не проорал: «Пирьо!» Она оказалась большой и круглой, на голове у нее был платок. Она произнесла писклявым голосом:

– Jumalan terve.

– Прошу прощения? – сказал я.

Она повернулась в сторону Кнута.

– Благослови тебя Господь, – перевел мальчик. – Пирьо говорит по-фински, но она знает, как ее товары называются по-норвежски.

Товары располагались позади прилавка, Пирьо доставала их по мере того, как я заказывал. Мясные фрикадельки «Йойка» в банках, консервированные рыбные котлеты, колбаса, сыр, пшеничный хлеб грубого помола.

Пирьо складывала стоимость товаров в уме, потому что, когда я закончил, она просто написала на бумажке цифру и показала ее мне. До меня дошло, что мне надо было достать несколько купюр из пояса с деньгами, прежде чем заходить в магазин, а поскольку в мои намерения не входило оповещать всех о том, что я разгуливаю здесь со значительной суммой денег,

примерно со ста тринадцатью тысячами крон, я повернулся спиной к Пирьо и Кнуту, подошел к стене и расстегнул две нижние пуговицы на рубашке.

– Здесь нельзя писать, Ульф, – сказал Кнут.

Я повернул к нему голову и посмотрел на него.

– Это я пошутил, – засмеялся он.

Пирьо жестами показала, что не может дать сдачу со стокроновой бумажки, которую я ей протянул.

– Все в порядке, – сказал я. – Оставь себе на чай.

Она ответила что-то на своем жестком непонятном языке.

– Она говорит, что ты можешь вернуться и взять что-нибудь еще, – перевел Кнут.

– Тогда ей следовало бы записать сумму.

– Она все помнит, – сказал Кнут. – Пошли.

Кнут приплясывал на тропе передо мной. Вереск бился о наши брюки, вокруг наших голов летали комары. Тундра.

– Ульф…

– Да?

– Почему у тебя такие длинные волосы?

– Потому что их никто не подстриг.

– А-а-а.

Прошло двадцать секунд.

– Ульф…

– Мм?

– Ты совсем ничего не знаешь по-фински?

– Нет.

– А по-саамски?

– Ни слова.

– Ты говоришь только по-норвежски?

– И по-английски.

– В Осло много англичан?

Я сощурился на солнце. Если сейчас полдень, значит мы идем четко на запад.

– В общем-то, нет, – ответил я. – Но это всемирный язык.

– Ага, всемирный. Дедушка тоже так говорит. Он говорит, что норвежский – язык разума, а саамский – язык сердца. А финский – это святой язык.

– Ну, раз он так говорит…

– Ульф…

– Да?

– Я знаю один анекдот.

– Хорошо.

Он остановился, подождал меня и зашагал по вересковым зарослям рядом со мной:

– Что это такое: ходит и ходит и никак не дойдет до дверей?

– Это вроде бы загадка?

– Сказать отгадку?

– Да, придется.

Мальчик заслонился ладонью от солнца и посмотрел на меня:

– Ты врешь, Ульф.

– Прости, что?

– Ты знаешь ответ.

– Правда?

– Все знают ответ на эту загадку. Почему же вы всегда врете? Вы будете…

– Гореть в аду?

– Да!

– А кто такие эти «вы»?

– Папа. И дядя Уве. И мама.

– Ну да? А мама-то про что врет?

– Она говорит, что я не должен бояться папу. Теперь твоя очередь рассказывать анекдоты.

– Я не очень-то умею рассказывать анекдоты.

Кнут застонал, повесил голову и стал теребить руками вереск.

– Ты не можешь ни во что попасть, ты ничего не знаешь о куропатках, и ты не помнишь анекдотов. А ты вообще что-нибудь *можешь*?

– Ну… – произнес я и тут заметил одинокую птицу, летевшую высоко над нами. Она охотилась, выискивала добычу. Ее жесткие, застывшие в одном положении крылья напоминали военный самолет. – Я умею прятаться.

– Да? – Голова его снова поднялась. – Давай поиграем в прятки. Кто водит? Эники-беники, ели…

– Беги вперед и прячься.

Он пробежал три шага и резко остановился.

– Что случилось?

– Ты сказал это, только чтобы от меня избавиться.

– Избавиться от тебя? Да ты что!

– Ты снова врешь!

Я пожал плечами:

– Можем поиграть в молчанку. Кто не будет молчать, получит пулю в голову.

Он странно посмотрел на меня.

– Понарошку, – уточнил я. – Хорошо?

Он кивнул, плотно сжав губы.

Мы шли и шли. Ландшафт, казавшийся на расстоянии совершенно монотонным, постоянно менялся: от мягкой волнистой поверхности, поросшей зеленым и коричневым вереском, до каменистого, растрескавшегося лунного пейзажа. С момента моего прибытия солнце сделало уже полоборота вокруг меня, и внезапно в его свете, в свете оранжевого диска, создалось ощущение, что весь пейзаж сияет, словно по пологим равнинам течет лава. И над всем этим – огромное широкое небо. Не знаю, почему здесь оно кажется таким огромным, почему мне почудилось, что земля изогнулась. Может быть, все дело в недостатке сна. Я читал о людях, которые после двух суток без сна становились психопатами.

Кнут молча шагал, плохо скрывая ожесточение и готовность к борьбе на веснушчатом лице. Комариные рои налетали все чаще, и сейчас мы попали в один из них и никак не могли вырваться. Я перестал бить садящихся на меня насекомых. Они прокусывали кожу, применяя обезболивающее, и все происходило так мягко, что я позволил им продолжать свое занятие. Сейчас самым важным было то, что метр за метром, километр за километром расстояние между мной и цивилизацией увеличивалось. И все же вскоре мне предстояло составить план.

«Рыбак всегда находит то, что ищет».

До сих пор моим планом было не иметь никакого плана, потому что Рыбак способен разгадать любой логичный план, какой бы я ни придумал. Единственным моим шансом была непредсказуемость. Нужно было стать настолько нелогичным, чтобы даже самому не знать, каким будет мой следующий шаг. Но позже следовало что-то придумать. Если вообще будет какое-нибудь «позже».

– Часы, – выпалил Кнут. – Разгадка – часы.

Я кивнул. Это был лишь вопрос времени.

– А теперь можешь прострелить мне голову, Ульф.

– Хорошо.

– Давай стреляй!

– Зачем?

– Чтобы не ждать. Нет ничего хуже, чем пуля, которая неизвестно когда прилетит.

– Пуф!

– Тебя дразнили в школе, Ульф?

– Почему ты об этом спрашиваешь?

– Ты странно говоришь.

– Там, где я вырос, все так говорят.

– Ой. И что, всех дразнили?

Я не мог не рассмеяться:

– Ладно, меня *изредка* дразнили. Когда мне было десять лет, умерли мои родители и я переехал из бедной восточной части города в богатую западную, к моему дедушке Бассе. Другие дети дразнили меня Оливером Твистом и придурком с восточной помойки.

– Но ты не такой.

– Спасибо.

– Ты с южной помойки! – Он рассмеялся. – Это была шутка! Теперь с тебя три шутки.

– Хотел бы я знать, откуда ты их берешь, Кнут.

Он прищурил один глаз и посмотрел на меня:

– А можно я понесу ружье?

– Нет.

– Оно же папино.

– Я сказал, нет.

Он застонал и на несколько секунд безвольно свесил голову и руки, но потом снова выпрямился. Мы продолжали брести. Кнут что-то тихо напевал. Не могу утверждать с уверенностью, но его мелодия была похожа на псалом. Мне захотелось спросить, как зовут его мать: будет нелишним знать ее имя, когда я вернусь в деревню, если, например, забуду, где находится ее дом. Однако по какой-то причине я ничего не спросил.

– Вот и хижина, – сказал Кнут, махнув рукой.

Я достал бинокль и сфокусировал – на Б-8 надо фокусировать каждый окуляр отдельно. За облаком пляшущей мошкары виднелось нечто напоминавшее скорее маленький дровник, чем хижину. Без окон, насколько я мог разглядеть; просто череда некрашеных серых высохших досок вокруг тонкой черной печной трубы.

Мы шли дальше, и я думал о своем, когда мой глаз заметил движение. Двигалось что-то гораздо большее по размерам, чем комар. Это «что-то» внезапно нарушило монотонность пейзажа метрах в ста от нас. Мне показалось, что сердце на секунду остановилось. Когда животное с огромными рогами понеслось по вереску, раздалось удивительное цоканье.

– Самец, – уверенно произнес Кнут.

Мое сердцебиение постепенно замедлялось.

– А откуда ты знаешь, что… э-э-э, именно самец?

Он снова окинул меня удивленным взглядом.

– В Осло не так много оленей, – пояснил я.

– Не самка. Потому что у самцов большие рога. Смотри, вон он чешется.

Олень остановился в зарослях позади хижины и стал тереться рогами о ствол березы.

– Отковыривает кору, чтобы ее съесть?

Кнут рассмеялся:

– Олени питаются ягелем.

Ну конечно, ягель. Мы проходили в школе, что ягель – это такой мох, который растет здесь, неподалеку от Северного полюса. Что йойк – это традиционное саамское горловое пение, что лавво – это жилище, похожее на индейский вигвам, и что расстояние от Осло до Финнмарка больше, чем до Лондона и Парижа. И мы проходили еще одно правило, при помощи которого можно запомнить названия фьордов, но это правило никто не запомнил. Во всяком случае, я, умудрившийся отучиться пятнадцать лет, и два из них даже в университете, хватая материал только по верхам.

– Чесаться – значит чистить рога, – сказал Кнут. – Это делают в августе. Когда я был маленьким, дедушка говорил, что рога чистят, потому что они очень чешутся.

Он говорил, по-стариковски причмокивая, будто сокрушаясь по поводу того, каким наивным он был когда-то. Я мог бы запросто рассказать ему, что некоторые из нас остаются наивными всю жизнь.

Хижина стояла на четырех больших камнях. Она была не заперта, но мне пришлось сильно подергать за ручку, чтобы дверь отлепилась от косяка. Внутри находились двухъярусная койка с шерстяными одеялами, дровяная плита (на двух конфорках которой стояли помятые чайник и кастрюля), оранжевый шкаф, красное пластиковое ведро, два стула и стол, съехавшие в западную сторону – то ли потому, что сами были кривыми, то ли потому, что кривым был пол.

В хижине имелись окна. Раньше я не смог разглядеть их, потому что они представляли собой маленькие слуховые оконца на каждой стене, кроме той, где находилась дверь. Но тем не менее они пропускали внутрь достаточно света, и я мог увидеть того, кто будет приближаться к хижине с любой стороны. Бойницы. Даже когда я сделал три шага от одной стены до другой, ощутив при этом, как вся постройка покачивается вроде французского кофейного столика, мое мнение не изменилось: хижина была великолепной.

Я огляделся и вспомнил первые слова деда после того, как он занес в дом чемодан своего десятилетнего внука и закрыл за собой дверь: «Mi casa es su casa»[2]. Я не понял ни одного слова, но понял, что он хотел сказать.

– Хочешь выпить кофе перед обратной дорогой? – спросил я добродушно и открыл дверку топки.

Наружу вылетел серый пепел.

– Мне десять лет, – сказал Кнут. – Я не пью кофе. Тебе нужны дрова. И вода.

– Понятно. Как насчет бутерброда?

– У тебя есть топор? Или нож?

Я молча посмотрел на него. Он закатил глаза: охотник без ножа.

– Можешь пока пользоваться этим, – сказал Кнут, завел руку за спину и вытащил огромный нож с широким лезвием и позолоченной деревянной рукояткой.

Я взвесил нож в руке. Тяжелый, но не слишком, хорошо сбалансированный. Почти так же должен ощущаться пистолет.

– Подарок отца?

– Дедушки. Это саамский нож.

Мы решили, что он раздобудет дрова, а я – воду. Явно гордясь тем, что ему поручили взрослую работу, Кнут схватил нож и убежал. Я нашел доску, неплотно прилегающую к стене. За ней находилась своего рода изоляция изо мха и торфа. Я вдавил в нее пояс с деньгами. Набирая в ведро воду из ручья, струящегося всего метрах в ста от хижины, я услышал, как в лесу металл стучит по дереву.

Пока Кнут закладывал в топку тонкие сучья и кору, я выгреб мышиный помет из шкафа и убрал в него продукты. Я дал мальчику свой коробок спичек, и сразу после этого в плите запылал огонь, а чайник начал посвистывать. В хижину проникло немного дыма, и я заметил,

[2] Мой дом – твой дом *(исп.)*.

что комары от него разлетелись. Я воспользовался моментом, снял рубашку и побрызгал водой на лицо и тело.

– Что это? – спросил Кнут.

– Это? – переспросил я и взял в руку именной жетон, болтавшийся у меня на шее. – Имя и личный номер, выгравированные на металле, способном пережить ядерный взрыв, чтобы было понятно, кого убили.

– А зачем это нужно?

– Чтобы знать, куда отсылать скелеты.

– Ха-ха, – сухо произнес он. – За анекдот *не* считается.

Посвистывание чайника перешло в предупредительное бульканье. Когда я наполнил две потрескавшиеся чашки, Кнут уже одолел бóльшую часть второго толстого бутерброда с печеночным паштетом. Я подул на черную маслянистую поверхность.

– А какой кофе на вкус? – спросил Кнут с набитым ртом.

– Противный только в первый раз, – сказал я, сделав пробный глоток. – Доедай и беги домой, пока мама не начала волноваться.

– Она знает, где я. – Он поставил на стол оба локтя и подпер голову ладонями так, что щеки поднялись к глазам. – Анекдот.

Кофе был прекрасным на вкус, а кружка приятно согревала руку.

– Ты слышал о том, как норвежец, датчанин и швед поспорили, кто дальше сможет высунуться из окна?

Руки исчезли со стола. Кнут с интересом посмотрел на меня:

– Нет.

– Они встали у окна. И внезапно норвежец победил.

В наступившей за этим тишине я сделал еще один глоток. По любопытному выражению на лице мальчика я понял: он не сообразил, что анекдот уже закончился.

– Как же он победил? – спросил наконец Кнут.

– А ты как думаешь? Норвежец выпал из окна.

– Значит, он спорил сам на себя?

– Естественно.

– Это *не* естественно, и ты должен был сказать это в самом начале.

– Ладно. Но теперь ты понял юмор, – вздохнул я. – Так что скажешь?

Он коснулся пальцем веснушчатого подбородка и задумчиво уставился в никуда. Затем последовали две вспышки смеха и снова задумчивое созерцание.

– Коротковато, – сказал Кнут. – Но поэтому и смешно. Ведь бац – и все закончилось. Да, мне смешно. – Он снова хихикнул.

– Кстати, насчет «все»…

– Конечно, – сказал он и вскочил. – Я вернусь завтра.

– Да? Почему ты так думаешь?

– Мазь от комаров.

– Мазь от комаров?

Он взял мою руку и приложил к моему лбу. Мне показалось, что я коснулся пупырчатой пленки – одни волдыри.

– Ладно, – кивнул я. – Принеси мазь от комаров. И пива.

– Пива? Но тогда…

– …я сгорю в аду.

– …надо ехать в Альту.

Я вспомнил спертый воздух в мастерской отца мальчика.

– Самогонка.

– Чего?

– Самогон. Спиртное. То, что пьет твой отец. Где он его берет?

Переминаясь с ноги на ногу, Кнут ответил:

– У Маттиса.

– Хм. Это такой кривоногий коротышка в рваной куртке?

– Да.

Я вынул из кармана купюру:

– Посмотри, сколько сможешь получить за это, а себе купи мороженое. Если это, конечно, не грех.

Он помотал головой и взял деньги.

– Пока, Ульф. И держи дверь на замке.

Он шутит?

Когда он ушел, я достал винтовку и положил дуло на подоконник. Я посмотрел в прицел, обводя взглядом линию горизонта, нашел спину Кнута, весело бегущего по дорожке, перевел прицел дальше, на лес. Нашел оленя. Он в ту же секунду поднял голову, как будто учуял меня. Насколько мне известно, северные олени – стадные животные, значит этого выгнали. Как и меня.

Я вышел на улицу, присел у хижины и допил кофе. Жар и дым от плиты вызвали у меня пульсирующую головную боль.

Я посмотрел на часы. Часы пролетали один за другим. Скоро уже минует сто часов. Сто часов с того момента, когда я должен был умереть. Сто бонусных часов.

Когда я снова посмотрел в прицел, то увидел, что олень подошел ближе.

Глава 3

Сто часов назад.

Но все началось задолго до этого. Как я уже говорил, не знаю почему. Скажем, все началось за год до этого, в тот день, когда Брюнхильдсен подошел ко мне в Дворцовом парке. Я нервничал: мне только что сообщили, что она больна.

Брюнхильдсен был рано облысевшим типом с перебитым носом и тоненькими усиками. Он работал на Хоффманна, пока не перешел к Рыбаку вместе со всем наследством Хоффманна, то есть со своими районами торговли героином, дамочками и огромной квартирой на Бюгдёй-аллее. Брюнхильдсен сообщил, что Рыбак хочет со мной поговорить и что я должен явиться в его рыбный магазин. Потом он ушел.

Дед обожал испанские пословицы, которые он выучил, пока жил в Барселоне, создавая свой вариант собора Саграда Фамилия. Одна из тех, что я слышал чаще всего, звучала так: «В доме нас было мало, и вдруг бабушка забеременела». Это означало что-то вроде: «Как будто раньше у нас проблем не было!»

Но тем не менее на следующий день я явился в магазин Рыбака на Юнгсторге. Не потому, что хотел, а потому, что альтернатива – не явиться – была исключена. Рыбак слишком могущественен. Слишком опасен. Все знают историю о том, как он отрезал голову Хоффманну и сказал, что так бывает с теми, кто много о себе мнит. Или историю о двух его дилерах, которые внезапно исчезли после того, как сперли товар. Никто их больше никогда не видел. Находились люди, утверждавшие, что рыбные фрикадельки из его магазина несколько следующих месяцев были особенно вкусными, а он ничего не предпринимал для пресечения таких слухов. Именно так бизнесмен вроде Рыбака охраняет свою территорию: при помощи смеси слухов, полуправдивых историй и жестких фактов о том, что происходит с людьми, пытающимися его обмануть.

Я не пытался обмануть Рыбака. И все же, стоя у прилавка в его магазине и представляясь одной из пожилых продавщиц, я потел, как наркоман, который третий день сидит без наркотиков. Наверное, она нажала на какую-нибудь кнопку, потому что очень скоро из вращающихся дверей вышел широко улыбающийся Рыбак, одетый в белое с головы до пят: белая шапочка, белые рубашка и передник, белые штаны, белые деревянные башмаки, – и протянул мне большую мягкую руку.

Мы вошли в подсобное помещение с белым кафелем на полу и на всех стенах. На скамейках вдоль стен стояли металлические поддоны с мертвенно-белым филе в рассоле.

– Прости за запах, Юн, я делаю рыбные фрикадельки. – Он вытащил стул из-под металлического стола, стоявшего посреди комнаты. – Присаживайся.

– Я просто торгую травкой, – сказал я, выполняя его указание. – Спидом не торгую, героином тоже.

– Я знаю. Причина, по которой я захотел побеседовать с тобой, состоит в том, что ты убил одного из моих работников. Туральфа Юнсена.

Я остолбенело уставился на него. Все, я мертв. Я стану рыбной фрикаделькой.

– Очень талантливо, Юн. Умный ход – замаскировать это под самоубийство, ведь все знали, что Туральф немного… мрачный. – Рыбак отломил кусочек филе и положил в рот. – Полиция даже не посчитала этот случай подозрительным. Должен признаться, я и сам думал, что он застрелился. До тех пор, пока один знакомый в полиции не сообщил нам по секрету, что пистолет, найденный рядом с трупом, зарегистрирован на твое имя. Юн Хансен. И мы начали проверку. Тогда любовница Туральфа рассказала, что он задолжал тебе денег и что ты пару раз пытался взыскать с него долг, пока он был жив. Разве не так?

Я сглотнул:

– Туральф немного покуривал. Мы хорошо друг друга знали, с детства, какое-то время вместе квартиру снимали, и все такое. Поэтому иногда он получал товар в кредит. – Я попытался улыбнуться и сразу же представил, как глупо это выглядит. – Совершенно не годится устанавливать особые правила для друзей в нашем бизнесе, вы об этом хотите сказать?

Рыбак улыбнулся мне в ответ, поднял кусок рыбного филе и стал внимательно наблюдать, как оно раскачивается у него перед глазами.

– Никогда не позволяй друзьям, родственникам и работникам быть у тебя в долгу, Юн. Никогда. Да, на какое-то время ты забыл о долге, но в конце концов ты понял, что правила надо соблюдать. Ты похож на меня, Юн. Очень принципиальный. Тот, кто провинился перед тобой, должен понести наказание. Не важно, велика его вина или мала. Не важно, хмырь это какой-то или твой брат. Это единственный способ защитить свою территорию. Даже такую, как твоя говенная точка в Дворцовом парке. Сколько ты зарабатываешь? Пять тысяч в месяц? Шесть?

Я пожал плечами:

– Где-то так.

– Я с уважением отношусь к тому, что ты сделал.

– Но…

– Туральф был очень важным сотрудником. Он был моим коллектором. И если требовалось, моим убийцей. Он охотно устранял плохих должников. Не все в современном обществе так относятся к должникам. Люди стали слишком мягкими. Стало возможным проявлять мягкость и при этом выживать. Это… – он опустил филе в рот целиком, – извращение.

Пока он жевал, я взвешивал имевшиеся у меня варианты. Вскочить, пробежать через магазин и вырваться на площадь казалось лучшим выходом.

– Так что, сам понимаешь, ты поставил меня в затруднительное положение, – сказал Рыбак.

Они, конечно, придут за мной и схватят, но, если им придется прихлопнуть меня посреди улицы, я, может быть, не превращусь в рыбный фарш.

– Я думаю: кто из моих знакомых в состоянии выполнять то, что требуется? В состоянии убивать. Я знаю только двоих. Один из них крайне эффективный, но слишком любит убивать, а удовольствие от подобных вещей я считаю… – он поковырял в передних зубах, – извращением.

Он изучил улов на кончике пальца.

– Кроме того, он плохо подстригает ногти. А мне не нужен долбаный извращенец, мне нужен человек, который в состоянии разговаривать с людьми. Сначала поговорить и только потом, если переговоры не принесут результатов, устранить. Так сколько ты хочешь, Юн?

– Простите, что?

– Вопрос в том, сколько тебе хочется. Восемь тысяч в месяц?

Я заморгал.

– Нет? Ну а, скажем, десять? Плюс премия в тридцать за возможные устранения.

– Вы спрашиваете…

– Двенадцать. Черт, да ты крепкий орешек, Юн. Ну ладно, это я тоже уважаю.

Я дышал носом. Он спрашивал, не хочу ли я занять должность коллектора и убийцы, освободившуюся после смерти Туральфа.

Я дышал и думал.

Я не хотел этой работы.

Я не хотел этих денег.

Но они мне были нужны.

Были нужны *ей*.

– Двенадцать – вполне нормально, – произнес я.

Работа была несложной.

Обычно достаточно было войти и заявить, что я – коллектор Рыбака, и денежки сразу выкладывались на стол. Нельзя сказать, что я был перегружен работой, по большей части я сидел в подсобке рыбного магазина и играл в карты с Брюнхильдсеном, который постоянно жульничал, и с Гладильщиком, который все время трепался о своих ротвейлерах и их невероятной эффективности. Я скучал, боялся, но денежки текли, и я уже прикинул, что если проверну пару устранений, то через год смогу полностью рассчитаться за ее лечение. Я надеялся, что будет еще не поздно. А человек может привыкнуть практически ко всему, даже к рыбной вони.

В один прекрасный день Рыбак пришел и заявил, что у него образовалось дело посерьезнее, для которого требуется как деликатность, так и твердость.

– Он много лет покупал у меня спид, – сказал Рыбак. – Поскольку он не друг, не родственник и не сотрудник, ему был открыт кредит. С ним никогда не было никаких проблем, но сейчас он задерживает выплату.

Речь шла о Космосе, немолодом мужчине, приторговывавшем спидом за определенным столиком в «Гюльфискене». «Гюльфискен» – это рюмочная у гавани. Окна в ней были серыми от пыли, которую поднимали автомобили, проезжавшие прямо перед ее окнами, а внутри редко можно было застать больше трех-четырех посетителей.

Бизнес Космоса был построен следующим образом: клиент заходил в кафе и усаживался за соседний столик, всегда свободный, поскольку Космос вешал на стул рядом с ним свой пиджак и клал на него журнал «Йемме». Сам же он сидел и разгадывал кроссворды в газете «Афтенпостен», мини-кроссворды в «ВГ», большие кроссворды Хельге Сейпса в «Дагбладет» и, конечно, в «Йемме». Он дважды выиграл общенорвежский конкурс по разгадыванию кроссвордов в «Йемме». Клиент клал конверт с деньгами в журнал и уходил в туалет, а когда он возвращался, в конверте вместо денег уже лежал спид.

Когда я вошел в кафе, было раннее утро и в помещении находилось три или четыре человека. Я уселся через два стола от старика, заказал кофе и стал просматривать вопросы кроссворда. Я почесал голову карандашом и наклонился вперед:

– Прошу прощения…

Мне пришлось повторить это дважды, прежде чем Космос оторвался от собственного кроссворда. На нем были очки с оранжевыми линзами.

– Не подскажете ли слово? «Средства, переданные с условием возврата», четыре буквы, первая «д».

– Долг, – ответил он и снова опустил глаза.

– Ну конечно, спасибо.

Я сделал вид, что вписываю буквы в квадратики.

Немного подождав, я сделал глоток жидкости, по вкусу напоминающей кофе, и кашлянул:

– Не хочу вас снова беспокоить, но не могли бы вы подсказать мне еще: «Специалист по добыче рыбы», пять букв? Две первые «р» и «ы».

– Рыбак, – сказал он, не поднимая головы.

Но я заметил, как он вздрогнул, услышав собственные слова.

– И последнее слово, – произнес я. – «Инструмент», семь букв, первая «м», в середине три «о».

Он отодвинул журнал в сторону и посмотрел на меня. Адамово яблоко ходило вверх-вниз на небритой шее.

Я смущенно улыбнулся:

– Понимаете, срок сдачи кроссворда заканчивается сегодня во второй половине дня. Сейчас мне надо уйти по делам, но я вернусь ровно через два часа. Я оставлю журнал здесь, чтобы вы смогли записать ответ, если разгадаете.

Я пошел в гавань покурить и подумать. Я не знал, в чем было дело, почему он не смог выплатить долг. И я не хотел этого знать, не хотел, чтобы отчаянное выражение его лица навсегда запечатлелось у меня в мозгу. Еще одно лицо. Достаточно было маленького бледного лица на подушке с размытым штемпелем больницы Уллевол.

Когда я вернулся, Космос сидел, углубившись в кроссворд, но, пролистав свой журнал, я обнаружил в нем конверт.

Позже Рыбак подтвердил, что долг был выплачен полностью, и похвалил меня за хорошую работу. И чем это мне помогло? Я говорил с врачами. Прогнозы не обнадеживали. Она не доживет до конца года, если не начать лечение. Тогда я пошел к Рыбаку и рассказал ему, как обстоит дело: мне был нужен заем.

– Прости, Юн, не могу. Ты же мой сотрудник, так ведь?

Я кивнул. Черт, что же мне делать?

– Но возможно, мы все же сумеем решить твою проблему. Мне необходимо кое-кого устранить.

Вот черт!

Это должно было произойти рано или поздно, но я надеялся, что поздно. После того, как я заработаю, сколько мне надо, и уволюсь.

– Слышал, ты все время говоришь, что первый раз – самый трудный, – сказал он. – Так что тебе повезло. Я хочу сказать, что для тебя это будет не первый раз.

Я попытался улыбнуться. Он не мог знать. Я не убивал Туральфа. Зарегистрированный на меня пистолет был мелкокалиберной игрушкой из спортивного магазина, которая потребовалась Туральфу для одного дельца. Он не мог купить пистолет сам, поскольку у полиции было на него огромное досье как на восточнонемецкого диссидента. И я, кто никогда не попадался ни за приторговывание травкой, ни за что другое, купил ему пистолет за небольшое вознаграждение. После этого я его не видел. И я уже махнул рукой на те деньги, что пытался стребовать с него, потому что ей были нужны средства на лечение. Туральф, расстроенный, обкуренный бедняга, сделал именно то, что, как всем показалось, он сделал: застрелился.

У меня не было никаких принципов. Не было денег. Но и крови на руках не было.

Пока не было.

Премия тридцать тысяч.

Это должно помочь. Должно стать большим подспорьем.

Я проснулся и резко вскочил. Укусы комаров источали жидкость, шерстяное одеяло приклеилось к ним. Но разбудило меня не это. Там, в тундре, раздался жалобный вой.

Волк? Я думал, они воют зимой на луну, а не на это гребаное солнце, неподвижно висящее на выжженном бесцветном небе. Скорее всего, это собака, ведь саамы пасут оленей с их помощью, разве не так? Я повернулся на узкой койке, позабыв о больном плече, выругался и перевернулся обратно. Казалось, выли где-то очень далеко, но как знать. Летом звук двигается с меньшей скоростью и распространяется не так далеко, как зимой. Возможно, зверь совсем рядом.

Я закрыл глаза, зная, что мне уже не заснуть.

Потом я поднялся, взял бинокль, подошел к одной из бойниц и оглядел горизонт.

Ничего.

Только тик-так, тик-так.

Глава 4

Кнут принес прозрачную густую вонючую мазь от комаров, наверное просто напалм. И еще две немаркированные бутылки, заткнутые пробками, с прозрачной жидкостью, пахнущей сивушными маслами, – точно напалм. С наступлением утра солнце стало светить ярче и подул ветер, от которого засвистело в печной трубе. Тени облаков скользили по пустынному, монотонному волнистому пейзажу, как стада оленей, на несколько секунд окрашивая светло-зеленые островки растительности в темный цвет, гася солнечные блики на маленьких озерцах вдали и отблески породы на оголенных скалах. Это было похоже на неожиданно раздавшийся глубокий бас в песне, которую поют высокие голоса. Ну что же, все равно песня минорная.

– Мама сказала, что рада пригласить тебя на собрание в молельном доме, – сказал мальчик и уселся за стол напротив меня.

– Вот как? – произнес я, проводя рукой по бутылке.

Я снова заткнул ее пробкой, не сняв пробы. Разминка. Пробку надо вынуть, тогда напиток станет лучше. Или хуже.

– Она думает, тебя можно спасти.

– А ты так не думаешь?

– Я не думаю, что ты хочешь быть спасенным.

Я встал и подошел к окошку. Олень вернулся. Когда я заметил его утром, то почувствовал облегчение. Волк. Их ведь уничтожили в Норвегии, верно?

– Мой дед проектировал церкви, – сказал я. – Он был архитектором. Но он не верил в Бога. Он считал, что когда мы умираем, то умираем совсем. Я больше верю в это.

– Он и в Иисуса не верил?

– Раз он не верил в Бога, вряд ли он верил в Божьего Сына, Кнут.

– Понимаю.

– Ты понимаешь. И что дальше?

– И тогда он будет гореть.

Я хмыкнул:

– В таком случае он уже давненько горит: он умер, когда мне было девятнадцать. А тебе не кажется, что это немного несправедливо? Бассе был хорошим человеком, он помогал людям, нуждавшимся в помощи, а этого я не могу сказать о многих знакомых мне христианах. И если бы я мог быть хоть вполовину так хорош, как мой дедушка…

Я заморгал. Глаза жгло, в них мелькали белые точки. Неужели это все солнце, пытающееся прожечь дыру в моей роговице? Неужели посреди лета у меня начнется снежная слепота?

– Мой дедушка говорит, что добрые поступки не помогают, Ульф. Твой дедушка сейчас горит, и скоро наступит твоя очередь.

– Хм. Значит, ты утверждаешь, что если я пойду на это собрание и приму Иисуса и этого твоего Лестадиуса, то попаду в рай, даже если никогда ничем не помогу ни одной живой душе?

Мальчишка почесал рыжую шевелюру:

– Да-а-а-а. Во всяком случае, если ты примешь учение Лингена.

– А что, существуют разные учения?

– Есть младоперворожденные в Альте, люндбергианцы в Южном Тромсе, старые лестадианцы в Америке и…

– И все они будут гореть?

– Так говорит дедушка.

– Судя по всему, в раю будет просторно. А ты не думал, что если бы мы с тобой поменялись дедушками, то ты наверняка был бы атеистом, а я лестадианцем? И тогда гореть предстояло бы тебе?

– Может быть. Но к счастью, гореть будешь ты, Ульф.

Я вздохнул. В здешних местах было что-то первозданное. Словно ничего не должно было и не могло произойти, словно неизменность была естественной.

– Слушай, Ульф…

– Да?

– Ты скучаешь по папе?

– Нет.

Кнут застыл:

– Он что, не был хорошим?

– Думаю, был. Но дети хорошо умеют забывать.

– А так можно? – тихо спросил он. – Не скучать по папе?

Я посмотрел на него:

– Думаю, да.

И зевнул. Плечо болело. Мне надо было выпить.

– Ты правда совсем один, Ульф? У тебя *совсем* никого нет?

Я задумался. Мне и в самом деле пришлось *задуматься*. О господи.

Я покачал головой.

– Угадай, о ком я думаю, Ульф.

– О папе и дедушке?

– Нет, – ответил он. – Я думаю о Ристиинне.

Я не стал спрашивать, как я мог это угадать. Мой язык был похож на высохшую губку, но выпить можно будет только после того, как он выговорится и уйдет. Он даже принес мне сдачу.

– И кто такая эта Ристиинна?

– Она учится в пятом классе. У нее длинные золотистые волосы. Она в летнем лагере в Каутокейно. На самом деле мы тоже должны были быть там.

– Что это за лагерь?

– Лагерь как лагерь.

– И что вы там делаете?

– Мы, дети, играем. Когда нет встреч и проповедей, конечно. Но в этот раз Рогер спросит у Ристиинны, хочет ли она стать его девушкой. И может быть, они поцелуются.

– Значит, целоваться – это не грех?

Кнут склонил голову набок и прищурил один глаз:

– Я не знаю. Перед тем как она уехала, я сказал, что люблю ее.

– Любишь, вот так прямо?

– Да. – Он подался вперед и, глядя вдаль, прошептал с придыханием: – «Я люблю тебя, Ристиинна». – Мальчишка снова посмотрел на меня. – Это было ошибкой?

Я улыбнулся:

– Ни в коем случае. Что она ответила?

– «Вот как».

– Она ответила «вот как»?

– Да. Как думаешь, что это значит, Ульф?

– Ну, как сказать. Конечно, это может значить, что для нее это чересчур. «Люблю» – очень сильное слово. Но это может означать, что она подумает над твоими словами.

– Считаешь, у меня есть шанс?

– Безусловно.

– Несмотря на то, что у меня есть шрам?

– Что еще за шрам?

Он отлепил пластырь ото лба. На бледном кусочке кожи все еще виднелись следы швов.

– Что случилось?

– Упал на лестнице.

– Скажи ей, что ты бодался с оленем, что вы боролись за территорию. И что ты, разумеется, победил.

– Ты спятил? Она ни за что не поверит!

– Ну да, потому что это всего лишь шутка. Девчонки любят мальчишек, которые умеют шутить.

Он почесал верхнюю губу:

– Ты сейчас не врешь, Ульф?

– Послушай. Даже если у тебя не будет шансов именно с этой Ристиинной именно этим летом, то будут другие Ристиинны и другие лета. У тебя будет полно девчонок.

– Почему?

– Почему?

Я измерил его взглядом. Кажется, он низковат для своего возраста? По сравнению с ростом мозгов у него было много. Рыжие волосы и веснушки, возможно, не будут достоинствами в глазах дам, но ведь это мода, которая приходит и уходит.

– Ну, если ты спрашиваешь меня, то я бы сказал, что ты – ответ Финнмарка на Мика Джаггера.

– Чего-о?

– На Джеймса Бонда.

Он непонимающе уставился на меня.

– На Пола Маккартни? – сделал я еще одну попытку.

Реакции не было.

– Битлз. «She loves you, yeah-yeah-yeah».

– Не очень-то из тебя хороший певец, Ульф.

– Это точно. – Я открыл топку печи, сунул в нее влажную тряпку и натер мокрым пеплом блестящий прицел на винтовке. – А почему ты не в летнем лагере?

– Папа на ловле сайды, мы должны его дождаться.

Что-то случилось, какая-то морщинка в уголке губ, что-то не так. Что-то, о чем я решил не спрашивать. Я посмотрел на прицел. Теперь, надеюсь, он не будет отражать солнечные лучи, и когда они придут, то не поймут, что я лежу и целюсь в них.

– Давай выйдем на улицу, – предложил я.

Ветер сдул комаров, и мы сели на солнышке у стены. Когда мы показались, олень отошел подальше. Кнут захватил с собой нож и веточку и тут же начал ее строгать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.